

ТАТЬЯНА УСТИНОВА
ПАВЕЛ АСТАХОВ

ДЕЛА СУДЕБНЫЕ

МИНИ- МОДЕЛЬ

Дела судебные

Татьяна Устинова

Мини-модель

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Устинова Т. В.

Мини-модель / Т. В. Устинова — «Эксмо», 2021 — (Дела
судебные)

ISBN 978-5-04-158248-7

Многие родители пытаются реализовать через своих детей то, чего не смогли добиться сами, но результат зачастую оказывается непредсказуем... Об этом новый роман Татьяны Устиновой и Павла Астахова «Мини-модель» из серии «Дела судебные». Судью Елену Кузнецову ждет новое дело – о конкурсе юных экомоделей, в котором участвовали девочки в нарядах из натуральных материалов. Победу одержала Карина Карапетян, выступавшая в платье из виноградных листьев. Это вызвало возмущение родителей другой участницы, Изабель Кобылкиной, представившей платье из кленовых листьев, и они подали в суд на организаторов конкурса. Никогда еще процесс не превращался в такой балаган! Но, несмотря на кажущуюся несерьезность ситуации, Елене придется принимать решение, попутно умирив гнев разъяренных родителей юных звезд...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-158248-7

© Устинова Т. В., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	31
-----------------------------------	----

Татьяна Устинова, Павел Астахов

Мини-модель

© Астахов П., Устинова Т., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

ТАТЬЯНА УСТИНОВА
ПАВЕЛ АСТАХОВ

Мини- модель

МОСКВА
2021

– Шесть тысяч девятьсот девяносто девять! – донеслось из неведомой дали.
Голос был женский, нежный, вкрадчивый.

Одной лишь интонацией он давал понять, что шесть тысяч девятьсот девяносто девять рублей за превосходные туфли – натуральная кожа, удобный каблук и универсальный бежевый цвет, который подойдет к любому наряду, – это сушая ерунда. Просто смешная цена. И надо не хныкать, тоскливо глядя в кошелек, а весело и радостно доставать из него одну красненькую купюру и две сине-зелененьких. Или банковскую карточку.

Хотя на карточке, кажется, денег почти не осталось...

– Шесть тысяч девятьсот девяносто девять! – настойчиво повторил голос.

Он изменился, сделавшись из ласкового женского раздраженным мужским, и приблизился.

– Шесть тысяч девятьсот девяносто девять! Кузнецова! Кузнецова, оглохла?!

«Это же мой номер!» – с опозданием дошло до Натки, и она вдруг запаниковала.

В ушах гудело и шумело: топали ноги, скрипели полы, играла музыка, причем трубач фальшивил так, словно его инструментом был слоновий хобот. А может, трубил именно слон. И он же топал: Натка отчетливо ощущала тряску.

– Пошла, пошла!

Ее подгоняли, и она послушно пошла – на звук, на свет, на... сцену? Нет, на подиум!

В лицо брызнули колючие цветные огни, Натка попыталась отвернуться от них, но это было невозможно.

Слепящие зайчики прыгали на нее со всех сторон: рядом, справа и слева, вышагивали-вытанцовывали, высоко вскидывая гладкие блестящие коленки, полуголые девицы, и свет софитов отражался от их лакированных тел и усыпанных стразами купальников.

«Ах, вот оно что – это выход в купальниках!» – поняла Натка.

Это не принесло облегчения.

Выходить куда-либо в купальнике Натка, по ее мнению, была совсем не готова.

Весы в ванной комнате бестрепетно свидетельствовали, что к середине зимы она наела два лишних кило, и разместились они совсем не там, где выигрышно смотрелись бы при подаче в купальнике. Хоть со стразами, хоть без них – блеснуть не получится.

Испугавшись, что сейчас она опозорится, Натка постаралась проснуться.

Кажется, получилось. Фух-х-х...

Или не получилось?

Какофония из музыки, скрипа и топота не прекратилась, и назойливые слепящие зайчики тоже никуда не усаkali.

Недоумевающая и встревоженная, Натка приподняла голову над подушкой и открыла один глаз. В него тут же прыгнул бойкий зайчик, а в ухо ввинтилась музыкальная трель.

– I'm a queen! I'm a queen!¹ – совсем рядом громко голосил кто-то, сам от себя в полнейшем восторге.

Натка открыла второй глаз и посмотрела на самозванную королеву.

Посмотреть было на что.

На длинной низкой тумбе в изножье кровати скакало и кривлялось жуткое чудище. Небольшое, вертлявое, на тонких ножках, но с огромной косматой головой.

На чудище красовался Наткин шелковый пеньюар, высоко подобранный и оригинально подпоясанный шерстяным шарфом, дрыгающиеся задние лапки грохотали каблуками ее же парадных туфель. Не за шесть тысяч девятьсот девяносто девять рублей – а еще дороже!

Натка села в кровати и уже открыла рот, но разораться не успела – чудище ее опередило.

В правой передней лапке у него был фонарик. Чудище поднесло его к щедро намазанному рту, как микрофон – при этом отчетливо высветилась жутчайшим образом размалеванная рожа, – и манерным писклявым голосом заявило:

---

¹ Я королева (англ.)

– Моя миссия – спасти мир! Красота – это страшная сила! Выбирайте меня – или вам всем конец!

После этого оно выставило фонарик вперед и с криком «Кавабанга! Тра-та-та-та-та!» полило Натку, так и сидящую с открытым ртом, длинной очередью от живота.

Агрессивное шумное чудище с манией величия было Натке совершенно незнакомо.

А вот победный вопль «Кавабанга!» она слышала много раз.

Так кричали черепашки-ниндзя в кино, а вслед за ними – их верный поклонник Арсений Кузнецов, родной и любимый сын Натки. Восемь лет, сбитые коленки, острые локти, светлые вихры, курносый нос, веснушки, голубые глаза-незабудки, бездна обаяния и тонна предприимчивости.

Хотя нет, Сенькину предприимчивость следовало измерять не в тоннах, а в тротиловом эквиваленте.

– Ар-р-рсений! – хриплым спросонья голосом прорычала Натка и резко откинула одеяло.

Чудище с импровизированного подиума будто ветром сдуло. Остались только туфли, все остальное с визгом умчалось прочь.

Не унимая kloкочущее в горле рычание, Натка вылезла из кровати и пошла по следам улепетывающего чудища.

Следы были куда более отчетливые, чем хлебные крошки сказочных затейников Гензеля и Гретель. Натка поочередно подобрала с пола шарф, пеньюар и кудрявый парик. Она бросила всю охапку на тумбочку в прихожей и решительно постучала в дверь ванной, где все еще гремела музыка.

– Да, да, войдите, – донеслось из-за плотно закрытой и запертой двери.

– Арсений, выходи!

– Зачем?

– Поговорим!

– Да, знаю я эти разговоры, после них у тебя ладонь болит, а у меня попа! – Музыка стихла, послышался писк, сопровождающий нажатие сенсорных клавиш, и жалобный детский голос произнес: – Алло, это девять-один-один? Спасите меня, я в смертельной опасности!

– Прекрати придуриваться! – потребовала Натка, изо всех сил стараясь взять себя в руки. – В нашей стране нет такого номера экстренной службы – девять-один-один, это во-первых. А во-вторых, когда это я шлепала тебя так, чтобы у тебя попа болела?

– Я все такие случаи и не вспомню уже, – детский голос сделался совсем тоскливым и печальным. – В последний раз – когда я покрасил соседскую болонку под тигра.

– Йодом! – вмиг расвиrepела Натка.

– В три цвета! – подхватил детский голос, перестав быть печальным и сделавшись восторженным. – Раствор йода был разной крепости, и ведь классно же получилось – прям как настоящий тигр! Только карликовый.

– Бедную собачку пришлось обрить налысо, – вздохнула Натка. – И не факт, что новая шерсть у нее теперь вырастет белой, потому что полосы въелись в кожу, а йод – очень стойкий краситель...

– Так это же круто! – убежденно заявил детский голос. – Марье Дмитриевне не ругаться надо, а радоваться: она же теперь хозяйка единственной в мире полосатой тигровидной болонки!

– Оставим в покое болонку, – предложила Натка, – тем более что она тебя теперь боится и даже близко не подойдет. Поговорим о другом раскрашивании. Зачем ты взял мою косметику, поганец? Я тебе сто раз говорила – это святое, пальцем не трогать!

– Так я же не пальцами! Что я, совсем темный? Я кисточками, пуховкой, спонжиком!

– Сеня! Мальчик твоего возраста и слова-то такого знать не должен – спонжик! – Натка вздохнула и бессильно постучала лбом в стену.

– Да, да, войдите.

– Умойся и выходи, – устало велела Натка. – Обещаю, что шлепать тебя не буду.

– А бить розгами? Пороть ремнем? Ставить коленками на горох? Лишать доступа к компьютеру?

– Да я никогда ничего подобного не делала!

– А вдруг начнешь?

– Не начну. – Натка помотала головой и отошла от двери санузла. – Хотя насчет компьютера надо еще подумать. Где-то же ты всего этого набрался...

В ванной зашумела вода. Натка прошла в кухню, глянула на часы на стене – без четверти пять, вот уж доброе утро! Она включила чайник, села за стол и подперла щеку ладонью.

Раннее пробуждение – это ерунда. Когда Сенька был маленький, он мамочке всю ночь спать не давал. Но вот это всё – пляски в женском платье, туфли на каблуках, парик, раскрашенное лицо... Выглядит странно и сильно тревожит.

Неужели у мальчика проблемы с ориентацией?!

Хлопнула дверь ванной, и в кухню явился мальчик, по виду – совсем беспроблемный, просто идеальный. Чистенький, умытый, влажные светлые кудри аккуратно причесаны, личико ангельское. Он сел на табуретку напротив Натки и отзеркалил ее позу – положил румяную щечку в ладошку.

Натка хмыкнула.

– И чегой-то тебе, девка, не спится? – с интонациями знакомой деревенской бабушки напевно спросил ангелочек.

– Потеряла покой да сон, на тебя гляючи! – язвительно ответила Натка и тут же сменила тон: – Сын, нам нужно серьезно поговорить.

– Сейчас? – Ангелочек выразительно покосился на часы и демонстративно зевнул, паршивец.

– Может, лучше бы не сейчас. – Натка тоже не удержалась – зевнула, а внутренний голос добавил: «Может, лучше бы и не здесь, а сразу в кабинете у психиатра». – Но раз уж мы тут сидим, давай-ка душевно поговорим за чашечкой чая.

– С конфетами?

По тону ангелочка было понятно, что степень душевности разговора будет прямо пропорциональна количеству конфет.

– С одной конфеткой, – разрешила Натка.

В конце концов, обстоятельный сеанс психоанализа лучше действительно доверить специалисту, а пока только так, прозондировать почву.

– Тогда мне «Красную шапочку», – решил Сенька.

Выбор конфеты Натку снова насторожил.

– Тебе нравятся нарядные девочки? – осторожно поинтересовалась она, поднявшись, чтобы заварить чай.

– Мне нравятся красивые девочки, – ответил Сенька и развернул выданную ему конфету. – А почему ты об этом спрашиваешь? Всем мальчикам нравятся девочки, разве нет?

– Да! – Натка возликовала было, но тут же пригасила радость. – Но не все мальчики наряжаются девочками...

– А, ты про это? – Сенька кивнул на комнату, где Натке явилось чудище. – Это же был просто конкурс красоты. «Мисс мира». К слову, я победил. – Он сунул в рот «Шапочку» и зажмурился от удовольствия.

Натка поставила на стол чашки с чаем и села напротив сына.

– Сеня, конкурсы красоты – «Мисс мира» и подобные – это для девушек. Мужчины соревнуются в конкурсе «Мистер Вселенная».

– Знаю, не дурак. – Сенька кивнул, сунул мордочку в чашку, похлопал.

– Не дурак, а поросенок, – ласково ругнулась Натка.

– К сожалению, конкурс «Мистер Вселенная» мне не подходит. – Сенька вынырнул из чашки, поискал глазами еще конфеты, не нашел и опечалился. – Чтобы стать мистером Вселенная, надо из спортзала день и ночь не вылезать. У этих парней такие мускулы, будто их велосипедным насосом накачали! А я самый маленький в классе и подтянуться на турнике могу всего два раза. Так что мужской конкурс мне не подходит, а вот девчачий я выиграю запросто. Чего там? Ходи по подиуму, кривляйся, главное – накраситься поярче и нарядиться получше.

– Да зачем тебе это, Сенечка?

– А зачем это всем, мамочка? – Ангелочек посмотрел на Натку как на ненормальную. Как психиатр на пациента! – У нас в классе Лиза, Ника и Ася ходят в школу юных моделей. А Эвелина Тапкина выиграла конкурс «Принцесса красоты», пришла такая красивая – в короне, с лентой через плечо – и похвасталась, что теперь у нее будет бесплатный тур по стране, а еще ей подарили огромного плюшевого медведя и золотые украшения!

– «Принцесса Эвелина Тапкина», как звучит-то, – пробормотала Натка. – Сеня, я и сама могу купить тебе огромного плюшевого медведя, только зачем он такому большому мальчику? И в турпоездку мы летом обязательно отправимся, дядя Костя твердо обещал. А золотые украшения тебе и вовсе ни к чему, я полагаю...

– Конечно. – Сенька энергично кивнул, и влажные вихры привычно разлохматились. – Мне нужно другое: саморез... нет, как это? Самрелиз...

– Самореализация? – подсказала Натка, округляя глаза.

О-о... Восемь лет – самое время задуматься о саморез... тьфу, о самореализации!

– Она, да! – Сенька снова кивнул, и аккуратная прическа окончательно вернулась в состояние первобытного хаоса.

– Но почему ты уверен, что должен реализоваться именно на подиуме?

– А почему нет? Смотри, я идеально подхожу! – Сенька вскочил и покрутился, позволяя рассмотреть себя со всех сторон. – Я худой, гибкий, красивый – все девчонки говорят, что Кузнецов симпатный. У меня дикция хорошая, а как я стихи читаю! Уже два конкурса выиграл! Разве не ясно, что мне прямая дорога на сцену? Ну, или на подиум. Или в кино. В телик тоже можно, ведущим или в сериал какой-нибудь, и насчет радио можно подумать, почему нет...

– Я поняла, поняла! – Натка подняла руку, останавливая затрепавшего, как сорока, покорителя сцен, подиумов и телика с кино. – Мне нужно об этом подумать, а тебе – еще немного поспать. Продолжим разговор за завтраком, идет?

– Да, меня это устроит, – важно ответил мистер конгениальность и пошлепал в свою кровать, на ходу одергивая пижамные штанишки, видимо, высоко подвернутые, чтобы не торчали из-под платья-пеньюара.

Было начало шестого. Натка вернулась в постель, поворочалась, поняла, что не сможет уснуть, и открыла ноутбук.

Она забила в строку поиска запрос «детский конкурс красоты», открыла выданную статью под заголовком «Кровавый бой за корону», пробежала глазами первую фразу: «Детские конкурсы красоты из милых демонстраций талантов превратились в жестокие гладиаторские бои, где заботливые мамочки не только отбирают у малышей детство, но и калечат их психику», раздумала читать дальше.

– Не детское это дело – конкурсы красоты, – сказала она вслух и, разумеется, вспомнила свой недавний сон, в котором сама вышагивала по подиуму.

Фантазия с готовностью дорисовала картинку, дополнив ее скучный наряд конкурсантки, состоящий из одного купальника и пары туфель, шелковой лентой через плечо и искрящейся короной.

Сидя в кровати, Натка непроизвольно приосанилась.

Она никогда не сомневалась, что красива, однако ей было бы приятно получить такое весомое тому подтверждение, как полкило бриллиантов в виде изящной диадемы.

Закономерно захотелось сравнить себя с другими, уже статусными красотками, и Ната снова полезла в интернет.

А лучше бы не лезла!

Коронованные и титулованные красотки в половине случаев были так себе. Мимо таких на улице пройдешь – не оглянешься.

Но это еще ладно, как говорится, красота – в глазах смотрящего, кому что нравится. Гораздо больше, чем сомнительная прелесть некоторых титулованных мисс, Натку огорчила их судьба.

Русская народная пословица «Не родись красивой, а родись счастливой» определенно была правдива, как искренне кающийся грешник с рукой на Библии, клеммами детектора лжи на лбу и сывороткой истины в крови.

Статистика смертности победительниц конкурсов красоты оказалась просто пугающей!

Мисс Интернэшнл – 1991 Агнешку Котлярску, признанную самой красивой девушкой Польши, зарезал ее тайный поклонник и преследователь.

Русская красавица Александра Петрова, победившая в национальном конкурсе в 1996 году, стала жертвой криминальных разборок и была застрелена вместе со своим сожителем-бизнесменом за два дня до собственного двадцатилетия.

Мисс Россия Светлана Котова, коронованная в 1996 году, стала подругой легендарного киллера Александра Солоника и была убита вместе с ним. Расчлененное тело двадцатидвухлетней красавицы нашли в чемодане, брошенном в лесу.

Мисс Венесуэла – 2004 Моника Спир вместе с мужем погибла при вооруженном ограблении.

Мисс Южная Каролина Лесли Маццара была убита приятелем подруги, который в момент совершения был настолько пьян, что даже не смог объяснить полиции мотив совершенного преступления.

Филиппинская красавица Мелоди Гершбах, Мисс Интернэшнл – 2009, спустя год после получения титула трагически погибла в ДТП.

Мисс Африка – 2010 Лайну Кеза зарезал ее сожитель.

Королева красоты Ирландии Микаэла Мак-Ариви во время своего свадебного путешествия на Маврикий была задушена проникшими в номер отеля ворами.

Мисс Туризм – 2012 Генезис Кармона из Венесуэлы погибла на уличном митинге: ей в голову попала пуля, которую выпустили то ли представители оппозиции, то ли полицейские – это осталось невыясненным.

Мисс Гондурас – 2014 Мария Хосе Альварадо накануне вылета в Лондон для участия в конкурсе «Мисс мира» была застрелена ревнивым поклонником сестры: тот убил и свою подругу, и Марию, ставшую свидетелем первого преступления.

– Опасное это дело – участвовать в конкурсах красоты! – пожившись, сказала Натка и закрыла для себя эту тему.

И тема вроде закрылась, а глаза – нет.

Натка долго лежала без сна и все думала, думала...

Сенька ведь не о красоте говорил, а о самореализации. Он уверен, что у него есть талант, хочет развить его и добиться успеха.

Что в этом плохого? Ничего.

Даже хорошо, что ребенок к своим восьми годам определился с будущей профессиональной деятельностью, а не пришел к маме накануне последнего звонка, как герой известного стихотворения Маяковского: «У меня растут года, будет и семнадцать. Где работать мне тогда, чем заниматься?»

Натка знала сколько угодно случаев, когда великовозрастные отпрыски не демонстрировали склонностей к какому-либо виду деятельности, доводя до отчаяния своих родителей.

У Веры Палны, бухгалтера редакционно-издательского центра, где работала Натка, таких оболтусов было двое: мальчик и еще мальчик. Они с разницей в два года окончили среднюю школу с хорошими аттестатами и замерли в растерянности – куда дальше?

Старший, запаниковав, поддался на уговоры Веры Палны и пошел в экономический вуз, откуда благополучно сбежал через два года, внезапно открыв в себе дар художника-флориста. А младший, уже девятнадцатилетний, до сих пор топтался на перепутье, перебиваясь работой в «Макдоналдсе» и дожидаясь, пока что-то про себя поймет. Видите ли, пример старшего брата показал ему, что призвание важнее, чем образование.

А еще перед глазами у Натки была соседка Аида, чудо в перьях неполных двадцати лет. Вечно наряженная во что-то странное, она гуляла по району, шурша расписными тканями, гремя браслетами и бусами, мило улыбаясь и вежливо здороваясь даже с незнакомыми людьми – искала себя, собственный путь и свою, как она говорила, стаю. Натке представлялось, что Аиде следовало бы гулять где-нибудь в окрестностях Калькутты, там она сошла бы за свою. А может, и не сошла бы. Натка никогда не бывала в окрестностях Калькутты и не знала точно, много ли там таких, как Аида.

И Петенька Орлов! Был же еще Петенька! Наткин одноклассник, первый ученик, отличник-зубрила, окончивший школу с золотой медалью и разрыдавшийся, как дитя, на выпускном, когда его под объективом камеры местного телевидения спросили о дальнейших планах. Оказалось, что Петенька, как та обезьянка в бородатом анекдоте, разрывался на части, терзаемый многообразием предоставленного выбора. В итоге он двинул на филфак, оттуда перевелся на иняз, потом пошел учиться на психолога, еще на какие-то курсы – и в результате всех метаний оказался на средней должности в кадровой службе так себе заводика.

Родному и любимому сыну Натка желала совсем другой судьбы.

Ей хотелось, чтобы карьерный рост Сеньки шел строго вверх, как истребитель вертикального взлета. Прямо к самым-самым высотам! И неважно, в какой конкретно области. Какая разница, кем станет ее мальчик – знаменитым киноактером, олигархом или президентом страны? Как сказал поэт, все работы хороши – выбирай на вкус!

И раз уж мальчик что-то выбрал, ее святой материнский долг ему помочь.

Найти какие-нибудь обучающие курсы, может, даже специальную школу. Готовят же где-то юных артистов?

В конце концов, пусть Сенька попробует. Если не понравится или не получится, можно будет убрать из уравнения тот вариант светлого будущего, в котором заслуженный артист России и Голливуда Арсений Кузнецов в свете софитов машет ей, Натке, со сцены золотой статуэткой. Тогда останется выбрать между олигархом и президентом, уже не такой большой разброс...

Приняв решение и успокоившись, Натка сама не заметила, как уснула.

Ей снился просторный зал, битком набитый оживленными нарядными людьми, и высокая сцена в цветных огнях. В перекрестии широких золотых лучей стоял светловолосый голубоглазый красавец в шикарном смокинге. Одной рукой он на манер жезла сжимал золотого «Оскара», а другой утирал скупую мужскую слезу, при этом проникновенно говорил в микрофон:

– Всем на свете я обязан дорогой и любимой мамочке, и свою очередную победу я снова посвящаю ей!

Зрители бешено аплодировали, а прожекторы, метнувшись в зал, высвечивали поднявшуюся Натку – умопомрачительно красивую в облегающем шелковом платье и превосходных туфлях. Натуральная кожа, удобный каблук и универсальный бежевый цвет... Всего-то шесть тысяч девятьсот девяносто рублей...

На лице спящей Натки сияла улыбка.

Звонок будильника она не услышала и опоздала бы на работу, если бы ее не растолкал Сенька. Сын не забыл, что ему был обещан разговор на тему светлого артистического будущего, и поднял мирно похрапывающую маменьку скрипучим воем игрушечной трубы и криком:

– Рота, подъем!

Обычно так же – только без трубы – будил самого Сеньку старлей Таганцев. Не каждое утро, слава богу – Натке не понравилось бы постоянно пробуждаться в казарме, – но в те выходные, когда мужчины отправлялись на рыбалку. Без Натки. Она решительно не понимала, какое удовольствие заключается в том, чтобы мерзнуть, мокнуть и кормить противными червяками рыбу, а собой прекрасной – комаров.

– Труба зовет, откинут полог! – Неугомонный Сенька, вечно полный энергии, как рекламный кролик Энерджайзер, сдернул с мамочки одеяло и ускакал с ним прочь.

– И где-то слышен сабель звон, – машинально договорила Натка фразу из песни, стянула с тумбочки телефон, глянула на дисплей, ужаснулась и вскочила с кровати.

Сабли, не сабли, а стальные очи начальника РИЦ Андрона Мохова сверкнули опасно и грозно. Голову Натке Дрон, конечно, не снесет, но урезать зарплату за очередное опоздание вполне может.

– Завтрак, соня! – покричал с кухни Сенька.

– Я не Соня, я Ната! – Она промчалась в ванную, мимоходом заглянув на кухню – там звенели не сабли, а нож и вилка. Сенька поразительно аристократично завтракал сырыми сосисками. – Чаю налей мне!

С учетом жуткого дефицита времени из ванной она выскочила полуфабрикатной – с влажными волосами и лицом без косметики.

Не беда, простенький макияж можно сделать и по дороге в метро, а волосы прекрасно досохнут под капюшоном, получатся модные небрежные волны.

Сенька, золотой ребенок, был уже сыт, одет и готов к выходу.

– Запрягайтесь, хлопцы-кони! – бросила ему Натка и, пока хлопек и конь в одном лице пристраивал на спину школьный ранец, успела влить в себя чай и сунуть за щеку конфету.

Сойдет за завтрак.

Лифт был занят, и они не стали его ждать. Сбежали по ступенькам с топотом, как те кони, и понеслись по направлению к школе.

– Ты... обещала... подумать... – на бегу заговорил Сенька.

Натка усмехнулась: вот это настойчивость! Вот это умение продавливать нужные решения! Может, лучше все-таки по политической части парня двинуть? Президент Российской Федерации Арсений Кузнецов – а? Звучит же?

– Я подумала...

– И?

– И решила...

– Что?

Они переговаривались на бегу, держась за руки и глядя на приближающуюся цель – калитку в школьном заборе. Ветер бил в лицо, лужи хлюпали под ногами. Путь в светлое будущее, как всегда, был нелегок.

– Я найду, где учат юных артистов! – Натка остановилась у калитки, развернула сына к себе, поправила на нем перекутившийся шарф.

– Кузнецовы, сколько ждать? – донеслось со двора, где принимала приведенных родителями второклашек учительница.

– Одну секунду! – хором ответили Кузнецовы.

– Не обманешь? – прищурился Сенька. – Ты мне новый велик обещала – взяла подержанный на «Авито». И смартфон не купила, а отдала старый Сашкин. Как тебе верить после этого?

– Клянусь своей треуголкой! – Натка хлопнула себя по вздыбленному капюшону.

Ой, что там за прическа получится...

Сенька засмеялся – про треуголку ему понравилось.

– Кузнецовы!

– Иду! Мам, пока! – Сенька нырнул в калитку.

– Хорошего дня! – Натка помахала сыну рукой, спохватилась, что не надела перчатки, и порысила к метро, на ходу проверяя карманы.

Так, мобильник взяла, ключи с собой, перчатки – вот они...

Здравствуй, новый трудовой день!

Вблизи метро ручейки из таких же, как Натка, простых честных тружеников, спешащих к станции, сливались, образуя поток с отчетливым течением. Двигаясь в русле, Натка краем глаза заметила обширное яркое пятно и повернула голову.

На большом рекламном щите только что заменили картинку. Парни в рабочей одежде – свитера, плотные комбинезоны, вязанные шапочки, перчатки в пупырышках – возились у толстой металлической ноги конструкции, складывая лестницу и собирая обрывки прежнего изображения. С оборванного просторного лоскута на прохожих пугающе скалилась неведомо чья улыбка.

– Чеширский Кот живет всех живых, – вслух подумала Натка и посмотрела на новую рекламу.

Там были изображены дети – девочка и мальчик. Оба до невозможности чистенькие, гладенькие, миленькие и хорошенькие, какими настоящие дети никогда не бывают, потому что не родился еще на свет тот парикмахер, который смог бы сделать идеальную прическу, способную пережить полет с крутой горки с торможением в живот случайного прохожего, прыжки на батуте или яростное карусельное кружение, доводящее до тошноты профессиональных космонавтов. Да и дети, способные от всего этого отказаться, еще не родились.

Где вы видели восьмилетних детей, мальчика и девочку, чинно шествующих рука об руку в сияющих белизной одеждах? С безупречными – волосок к волоску – прическами и важными лицами, сверкающими чистотой?

Только в рекламе и несбыточных родительских мечтах.

Над головами рекламных деток в белом не хватало только нимбов. Вместо них вилась надпись: «Школа юных звезд «Олимп» объявляет набор детей с 7 до 16 лет». Снизу, под ногами идеальных детишек, помещались облака с оттиснутыми на них крупными цифрами телефонного номера.

Продолжая двигаться в потоке, Натка вытащила мобильный и сделала фото рекламы.

Потом ее затянуло в открытые двери станции и понесло по привычному маршруту.

На работу она не опоздала – вошла в холл минута в минуту! Успела бы даже взять себе, как обычно, большой американо в мини-кофейне на входе, но там почему-то было закрыто.

– Всем привет, что случилось, почему кофейня под лестницей не работает? – бросив сумку на стол, недовольно поинтересовалась Натка у коллег в РИЦе.

– Заработает, когда найдут новую девочку, – успокоила ее Ольга, тоже работавшая верстальщицей.

– А что случилось со старой девочкой?

– Катя уволилась, потому что больше не может совмещать работу с учебой. – Ольга, как обычно, была в курсе всего. Еще бы, с ее-то манерой бегать на перекур двадцать раз за день!

– С какой еще учебой? – Натка вовсе не курила, но тоже кое-что знала, потому что дамы в РИЦе обожали перебивать косточки всем знакомым. – Она же вроде хотела стать актрисой, но провалилась на экзаменах в Щукинское.

– Угу, а теперь она пошла в платную мастерскую актера, чтобы готовиться к поступлению в вуз. Три месяца интенсивных занятий, пятьдесят тысяч за весь курс. – Ольга встала в позу и провозгласила: – Ключевой фактор для поступления – тщательно подготовленная чтецкая программа, доведенная до увлекательного и убедительного просмотра, а также правильные ответы на вопросы мастеров!

Натка подняла брови.

– Я эту рекламу верстала, – нормальным голосом объяснила Ольга и развернулась в своем кресле к монитору.

И вовремя: в коридоре зашаркали знакомые шаги. Приближался начальник РИЦ Андрон Мохов. Кроссовки сорок девятого размера шлепали по плиточному полу, как тюленьи лапы.

– Атас, девчонки, Ластоногий идет!

Натка шлепнулась в свое кресло, включила компьютер и притворилась погруженной в работу.

– Все на месте? Хорошо. – Мохов оглядел подчиненных. – Оля, Ната, Мила, Римма Ивановна, у вас сегодня реклама для пятничного приложения. Напоминаю: верстку сначала отправляете менеджерам для согласования с клиентами, потом уже корректору, а не наоборот, потому что согласование рекламы без правок – это утопическая мечта, а корректор за двойную работу хочет повышенную оплату.

– Я не знала, простите. Теперь буду помнить, – виновато пробормотала Мила – новенькая в РИЦе.

Натка посмотрела на нее и приложила палец к губам: молчи, мол. Ластоногий Дрон Мохов – ужасный зануда, вот уйдет он – тогда и поболтаем.

Начальник еще немного побубнил, раздал всем сестрам по серьгам и удалился к себе, в персональный кабинет с удобным диванчиком и кофеваркой.

– Да ерунда это все – артисты-мартисты. – Дождавшись ухода Мохова, Римма Ивановна выдвинула ящик своего стола, достала кипятильник – предмет, к использованию в офисе категорически запрещенный, а потому тщательно оберегаемый от глаз начальства, – и вернулась к интересной теме: – Вот сколько этих артистов нужно стране? С учетом того, что театры еще даже не начали нормально работать после карантина? Спектакли сейчас не ставят, кино не снимают. Где тем артистам работать? Деда Морозы и Снегурки всего раз в год нужны, а кушать-то надо постоянно... У меня печенье есть, домашнее, кто хочет?

– Я хочу. – Натка с признательностью приняла кривой коричневый кружочек.

Домашнее печенье Риммы Ивановны было темным, твердым и с виду подозрительно походило на засохшую собачью кучку, но на вкус – если разгрызть и терпеливо размочить сухие крошки во рту – оказалось вполне ничего.

В офисе, как ни странно, влет уходили все те продовольственные неликвиды, которые приносились из дома. «На миру не только смерть красна, но и еда вкусна», – с треском точа печенье, подумала Натка.

Одолжив у запасливой коллеги кипятильник, она сделала себе чаю и, загрузив в программу присланный на верстку текст, взялась за дело.

Верстка в их газете была строго регламентирована, все делалось по утвержденным стилям, фантазировать и проявлять креатив не требовалось, поэтому Натка работала как автомат. Руки у нее были заняты, а голова свободна, что позволяло и слушать разговоры, и участвовать в них.

– Ну, не скажите, Римма Ивановна, – заспорила со старшей коллегой новенькая Мила. – Артистам есть чем заняться. Вот у меня подруга академию культуры окончила, специальность

у нее в дипломе – «артист драматического театра и кино». В кино ее, правда, пока не взяли, в театре тоже мест нет, но она устроилась в ивент-агентство, и там у нее творческой работы – завались! По-разному, конечно, бывает: она то на детских праздниках, то на взрослых вечеринках работает, то квесты проводит, то в презентациях участвует, но деньги ей платят нормальные и скучать не приходится.

– Это пока она молоденькая, – не согласилась Римма Ивановна, заправив за ухо пегую черно-седую прядь. – А будет старой бабкой – никто ее ни на утренники, ни на вечеринки не позовет.

– Вообще-то старые бабки нынче очень даже в цене, – заметила Ольга. – Вот я недавно верстала статью про старушек-моделей. Сейчас, одну секунду...

Она порылась в папках на рабочем столе компьютера, открыла нужный файл и прочитала с листа:

– «Кармен Делль’Орефис восемьдесят восемь лет, и она занесена в Книгу рекордов Гиннеса как подиумная модель с самой долгой карьерой! Благородная седина, точеная фигурка и загадочный взгляд Кармен продолжают пользоваться популярностью в фешен-индустрии!»

– А фото есть? – Дамы вылезли из-за компьютеров и сошлись за спиной Ольги. – Да, ничего так бабуля, фактурная...

– А это Линда Родин – популярная американская модель, которая начала карьеру манекенщицы в 2014 году, когда ей было далеко за шестьдесят.

– Тощенькая какая, – пригорюнилась дородная Римма Ивановна.

– А это Дафна Селф, ее официально называют старейшей британской моделью, ведь в фешен-индустрии она работает уже больше семидесяти лет. Сейчас манекенщице девяносто два года, но она продолжает заниматься любимым делом – участвует в показах и съемках для модных журналов.

– Ну, исключения только подчеркивают правила, – не сдалась упрямая Римма Ивановна. – Сколько таких модельных бабушек? Одна на миллион? Да большинство девчонок, которые начинают карьеру модели, через год-другой уходят из профессии. Растолстела, вышла замуж, родила – причин полно, а результат один: забудь про подиум!

– Вот поэтому лучше на сцену идти, там возраст такого значения не имеет, – подхватила Мила, подруга артистки из ивент-агентства. – В конце концов, на тех же утренниках можно Бабу-Ягу играть или старуху Шапокляк. А уж если пробиться в кино... Вы знаете, какие гонорары у звезд экрана? Я тоже недавно верстала заметку...

Дамы переместились по кабинету, сгруппировавшись за креслом Милы.

– Вот, смотрите, «Форбс» назвал самых высокооплачиваемых актеров мира. – Мила вывела на экран красиво оформленную табличку, и Натка не удержалась – присвистнула. – На первом месте Крис Хемсворт – это который Тора играл, он в прошлом году заработал семьдесят шесть миллионов, на втором – Роберт Дауни-младший, он получил шестьдесят шесть миллионов, на третьем – Брэдли Купер, его совокупный гонорар пятьдесят семь миллионов. И это все в долларах!

– Да, бедными скоморохами этих ребят не назовешь. – Римма Ивановна, кряхтя, втиснулась в свое кресло. – Но тут уж как кому повезет, заранее не угадаешь, чего удастся добиться.

– Наверное, с правильным образованием больше шансов, – предположила Натка.

– Тогда молодец наша Катя, что рвется в Щуку, – резюмировала Ольга. – Можно сказать, действует под девизом: «Баристы – в артисты!» – Она захихикала, но оборвала смех, чтобы прислушаться: – Ша, девки, снова ласты на подходе!

Явившийся Ластоногий дискуссионный клуб не застал, верстальщицы показательно занимались работой. Натка тоже трудилась – и размышляла о своем. Мысли упорно устремлялись к подиумам, сценам, творческим вершинам. Она сама не заметила, как стала думать вслух:

– По сути, это же рядом все, да? Подиум, сцена...

– Я, я верстала статью! – обрадовалась Римма Ивановна и тут же полезла в папку с готовыми работами. – Вот, слушайте: Брук Шилдс начинала карьеру на подиуме и уже в шестнадцать лет стала самой узнаваемой моделью мира, в том же возрасте начала сниматься в кино и за тридцать лет сыграла более чем в семидесяти фильмах и сериалах!

– И трижды получала «Золотую малину» за худшую женскую роль! – фыркнула Натка, которая тоже что-то такое верстала.

– Что не сказалось отрицательно на ее гонорарах, – отбрила Римма Ивановна. – А еще с подиума в кино пришла Роза Хантингтон-Уайтли, сыгравшая главную героиню в третьей части «Трансформеров». Уроки актерского мастерства, кстати говоря, милый Роза давал ее бойфренд Джейсон Стэтхэм, тоже, между прочим, переквалифицировавшийся в актеры, только не из манекенщиков, а из спортсменов. Он был прыгуном в воду.

– Оригинальный кульбит, – оценила карьерный прыжок Стэтхэма Натка.

Жаль, Сенька в спорт не хочет...

– Я еще не закончила! – повысила голос Римма Ивановна. – Тайра Бэнкс, одна из самых успешных чернокожих моделей девяностых годов, за участие в популярных телесериалах и ток-шоу получила две премии «Эмми» и награду GLAAD Media Awards! Да что там говорить, я вам просто перечислю имена бывших манекенщиц, ныне актрис: Ким Бейсингер, Фрида Пинто, Шарлиз Терон, Холли Берри... А Милла Йовович до сих пор совмещает модельный бизнес и актерскую карьеру!

Тут же выяснилось, что у всех есть знакомые, более или менее тесно связанные с модельным бизнесом. У Риммы Ивановны – внучка подруги, удачно устроившаяся в международное модельное агентство и уехавшая работать в Париж. У Ольги – двоюродная племянница, ставшая вице-мисс детского конкурса «Краса Поволжья» в Саратове. У Милы – кошка соседки, выигравшая конкурс красоты на выставке домашних питомцев.

– И зря вы смеетесь, – обиделась Мила, когда на сообщение о конкурсе кошачьей красоты коллеги разразились дружным хохотом. – Магду – так кошку зовут – теперь в рекламе снимают, и платят за это ее хозяйке очень прилично!

– Не знаю про домашних животных, но ребенка можно отдать в школу юных киноактеров, – отсмеявшись, сказала Ольга. – В прошлом месяце в верстке был от них большой рекламный материал. Я так поняла, что главное – попасть к правильному продюсеру и в соответствующую категорию. Для съемок бывают нужны, например, мальчики девяти-десяти лет, определенного роста и телосложения, славянской внешности или, наоборот, азиатского типа. Кто подходит – тем прямая дорожка на экран, а остальным надо ждать, пока возникнет спрос на их типаж.

Они обсудили киноактеров, снова вспомнили голливудских красавчиков с их миллионами долларов, повздыхали, поспорили, кто на свете всех милее, всех румяней и белее. Логично перешли к конкурсам красоты, и Римма Ивановна завела свою любимую пластинку «Разве сейчас то-то? Вот раньше, помню, было то-то...». Этот основной зачин у нее никогда не менялся, о чем бы они ни говорили. Просто вместо условного «то-то» вставлялось нужное слово.

– Да разве сейчас конкурсы красоты? Вот раньше, помню, были конкурсы так конкурсы! – Римма Ивановна прикрыла глаза. – Ах, я ведь была на финале первого в нашей стране конкурса красоты в «Лужниках». Какой там был аншлаг! Милицейское оцепление, люди с рациями на каждом шагу, толпы зрителей...

– Вы участвовали в конкурсе красоты и дошли до финала?! – изумилась простодушная Мила.

Римма Ивановна покрутила пальцем у виска:

– Ты с ума сошла? Я тогда уже замужем была, да и кто бы меня отпустил на такой конкурс, это же было дико неприлично по тем временам. Хотя на самом деле все оказалось очень мило, конкурс талантов был вообще как в пионерском лагере...

– Так себе таланты оказались? – уточнила Натка, которую по понятным причинам живо интересовал этот вопрос.

– Ой, да какие там особые таланты у самых обычных красивых девушек. – Римма Ивановна пожала плечами. – Хотя в том конкурсе Оксана Фандера участвовала, будущая известная актриса. Говорят, именно ей хотели отдать победу, но в последний момент выяснилось, что девушка не москвичка, у нее была одесская прописка. А конкурс-то заявили как московский!

– И что? Прокатили Фандеру из-за какой-то там прописки? – не поверила Мила.

– Прописка в советское время была вещью очень важной, – объяснила ей старшая коллега. – И – да, Фандеру, как ты говоришь, прокатили. Еще одну девушку сняли с конкурса из-за неблагозвучной фамилии – Елена Дурнева ее звали. Не могла же быть первой красавицей советской столицы какая-то Дурнева! А третья барышня, когда проверили ее паспорт, оказалась вовсе не мисс – замужняя и с ребенком. И звание «Московская красавица – 1988» получила шестнадцатилетняя школьница Маша Калинина. Какая на нее обрушилась бешеная популярность, вы не представляете! Ее снимали для журнальных обложек, брали у нее интервью, девочку моментально узнала вся страна!

– Круто, – вздохнула Мила.

– Да как сказать. – Римма Ивановна снова повела плечиком. – Некоторые решили, что Калинина победила по блату – мол, не случайно у нее та же фамилия, что и у «всесоюзного старосты»...

– У какого еще старосты? – снова влезла Мила.

– Ох, молодежь, ничего-то вы не знаете... Был такой видный государственный деятель в советское время – Михаил Калинин, так недоброжелатели записали Машу в его родственницы и прямо преследовали бедную девушку – квартиру ее родителей осаждали, Калининым даже пришлось поставить решетки на окна.

– А что с этой Машей теперь? Надо погуглить. – Натка потянулась открыть браузер.

– Не надо гуглить, я и так знаю, верстала заметку про русских эмигрантов в Америке, – остановила ее Ольга. – Мария Калинина, чтоб вы знали, живет и работает в США. Она туда уехала еще в советское время, была моделью, снялась в нескольких голливудских фильмах, но особой известности не получила и сейчас держит в Лос-Анджелесе собственную студию йоги. Нормальная баба, заслуживает уважения. Не спилась, не спуталась с каким-нибудь мафиози, не превратилась в клушу. Живет, работает – молодец!

– Да, раньше были такие красавицы, а сейчас что? Тьфу, а не красавицы, – снова затянула старую песню Римма Ивановна. – И то сказать, сейчас их кто выбирает? Конкурсов полно, а в жюри сплошь выскочки, жулики да бизнесмены, присматривающие себе любовниц помоложе. Вот в наше время были члены жюри – о-го-го, сплошь знаменитости, уважаемые люди. «Московскую красавицу – 1988» вел Леонид Якубович, а судили Ирина Скобцева, Илья Глазунов, Муслим Магомаев... Сам Михаил Задорнов девочкам на сцене вопросы задавал...

– О, Задорнова я знаю! – обрадовалась Мила. – И о чем он их спрашивал?

– Я уже не помню, но было забавно. – Римма Ивановна призадумалась, но помотала головой: – Нет, совсем не помню...

Эти разговоры, то затихая, то опять возобновляясь, тянулись до перерыва. Потом все пошли обедать, а Натка задержалась, чтобы в отсутствие коллег позвонить по телефону с рекламного щита.

У нее еще не было четкого понимания, как нужно действовать, чтобы сдержать данное Сеньке обещание. Многообразие вариантов, затронутых в разговоре с коллегами, Натку запу-

тало, и она поступила так, как всегда делала, когда не могла принять аргументированное решение: положила на судьбу.

Рекламный щит, попавшийся ей на глаза так кстати, в минуту сомнений и тягостных раздумий, можно было считать знаком свыше. А почему нет? Там, на картинке, и небеса, и облачка, и ангелочки...

Натка открыла последнее фото в мобильном и, поглядывая на него, набрала со служебного телефона номер школы юных звезд.

У меня чуткий слух.

В шестом часу утра я проснулась от приглушенного, на грани слышимости, стука.

Определить источник и характер звука сразу не получилось. Сначала я подумала, что где-то в квартире капает вода. Это меня встревожило: я уже сталкивалась с такого рода техногенными катастрофами в отдельно взятом жилище и не забыла, как долго, дорого и нервно устранять их причины и последствия.

Я выбралась из кровати и прошлась по квартире, с подозрением присматриваясь к кранам и вентелям, даже заглянула под бачок унитаза. Нет, с сантехникой все было нормально. А еле слышный нервирующий стук продолжался!

Потом мне показалось, что я услышала стоны. Опять прошлась по квартире, заглянула к Сашке – дочь спокойно спала.

Наконец я догадалась приложить ухо к стене – и точно, звуки доносились с той стороны!

Я мысленно представила план дома, поняла, что квартира за стеной находится в соседнем подъезде и с сожалением вылезла из теплой мягкой пижамы, потому как она определенно не годилась для зимнего марш-броска – даже на короткое расстояние от одного подъезда до другого. Пришлось облачаться в джинсы, свитер и куртку.

Когда я вбивала ноги в сапожки-дутики, в прихожую выглянула сонная Сашка. Она зевнула и приятно удивилась:

– Неужто на пробежку?

– Вроде того. – Я не стала огорчать дочь отрицательным ответом.

Сашка фанатеет от ЗОЖ и без устали стремится обратить меня в свою веру. Я не то чтобы сопротивляюсь – у меня нет возражений против того, чтобы сохранить красоту и здоровье до глубокой старости. Просто неохота соблюдать все те многочисленные ритуалы, которые правоверные жонки считают обязательными.

К примеру, пробежка в серый и стылый предрассветный час, по-моему, больше навредит, чем поможет. Особенно если после нее мне не дадут горячего сладкого чая с большим бутербродом или парой сырников, предложив позавтракать кашкой из льняного семени на воде и свежавыжатым соком сельдерея.

Собственно, именно поэтому мы с дочкой обычно завтракаем порознь. Я терпеть не могу сельдерей, а она слишком любит бутерброды и сырники, чтобы устоять против искушения таскать их с моей тарелки.

«Точно, вернись – нажарю сырников», – подумала я и облизнулась.

С этой бодрящей мыслью я спустилась, перебежала в другой подъезд, поднялась к двери квартиры, соседствующей с нашей через стену, и нажала кнопку звонка. Он пропел что-то мелодичное из классики. Рулада стихла, и стали слышны стук, стоны и призывы на помощь.

Судя по голосу, звала и стонала старушка. Звонок она явно услышала, потому что прибавила громкости, но дверь не открыла и даже не подошла к ней. Я предположила, что бабушка не может двигаться.

К счастью, у меня в кармане был мобильник, в мобильнике – мессенджер, в мессенджере – общедомовой чат, а в чате – телефон управдома Игоря Андреевича. Пришлось этому доброму человеку тоже проснуться.

И вот что значит – бывший военный, да еще в звании полковника! Выслушав мой сбивчивый доклад, Игорь Андреевич ни словом, ни интонацией не дал понять, что недоволен ранним подъемом по тревоге.

– Подождите там, не уходите, пожалуйста, я буду через пару минут, – попросил он и действительно прибыл ровно через две минуты.

– Спасибо за бдительность, можете идти. – Настоящий полковник отпустил меня с поста под чужой дверью. – В квартире одна бабушка, ей восемьдесят два, она живет сама, но я позвонил ее дочери, она сейчас приедет.

– Удачи, и держите меня в курсе, пожалуйста, – попросила я, ретируясь к лифту.

Дождаться развития событий на холодной лестничной площадке под дверью мне не хотелось – в воображении шкворчали и поджаривались сырники, курилась ароматным паром чайная чашка, мягко обнимал озябшее тело теплый махровый халат, – но судьба старушки-соседки меня беспокоила. Мы в ответе за тех, кто разбудил нас на рассвете...

Я вернулась домой и исполнила свои маленькие уютные мечты: переоделась в халат, заварила чай, нажарила сырников. Подумывала лечь еще поспать, но телефон пищал, исправно получая СМС-весточки с фронта в соседнем подъезде, и я не смогла оторваться от сюжета.

Дочь старушки-соседки, сама уже немолодая дама, примчалась на такси и обнаружила, что хозяйка квартиры закрылась изнутри не только на замок, но и на задвижку. Полковник-управдом вызвонил мастера с инструментами, тот победил дверь, бабулю нашли лежащей на полу и вызвали ей «Скорую». Похоже, она сломала ногу.

На этом история закончилась, донесения от полковника перестали поступать, и я сама не заметила, как тихо задремала на кухонном диванчике.

Проснулась я от того, что снова услышала какое-то бормотание.

Открыла глаза и увидела Сашку.

Спиной ко мне она стояла у окна и восхищенно приговаривала:

– Да, мангуст! Да-а, мангуст, о-о-о!

Интонации у нее были прямо-таки сладострастные.

Я мигом встревожилась, пытаюсь вспомнить, нет ли в обширной компании Сашкиных друзей-приятелей кого-то с таким прозвищем.

Вообще-то одноклассника и сердечного друга дочери зовут Фома, но она кличет его Фомкой. А если один парень именуется как воровской инструмент, то почему другой не может называться животным?

– Какой мангуст, Саша? – спросила я деликатно.

Дочь обернулась, выкатила глаза:

– Какой еще мангуст, мама?!

Оказывается, она восхищенно бормотала: «Ту-ман густо-ой!» – любовалась соответствующим природным явлением.

В общем, не такой уж у меня чуткий слух.

Поржав над мифическим мангустом и доев сырники – Сашка тоже не удержалась, слопала аж три штуки, – мы с дочкой разошлись, кто куда: она – в школу, я – на работу.

Без пяти девять, когда я парковала свою старушку-«Хонду» у здания Таганского суда, мне позвонила чужая бабушка.

– Елена? – спросило надтреснутое контральто в трубке. – Доброе утро, дорогая Елена, это Ада Егоровна, соседка. Мне дал ваш номер телефона милейший Игорь Андреевич, наш интендант-полковник.

– Да-да?

– Елена, вы моя спасительница! По правилам хорошего тона я должна нанести вам визит, но это, увы, решительно невозможно, поскольку я вообще маломобильна, а теперь еще дополнительно отягощена свежим гипсом. А потому не соблаговолите ли вы заглянуть ко мне в

любое удобное для вас время, к примеру, сегодня вечером в двадцать ноль-ноль? Я полагаю, к этому моменту вы уже освободитесь от ежедневных праведных трудов?

– Я тоже так полагаю, – проямлила я, несколько растерявшись.

Изысканная речь, тон и тембр голоса Ады Егоровны выдавали привычку непринужденно общаться с князьями и графьями на великосветских балах, где я отродясь не бывала.

– Тогда я непременно жду вас нынче в восемь пополудни, – подытожила моя собеседница. – Звонить не надо, дверь будет открыта, извольте пожаловать без церемоний.

– Не премину, – брякнула я. – Прибуду. Всенепременно...

Свойственная Аде Егоровне манера речи оказалась заразительна.

У дверей суда я столкнулась с подругой Машкой. Вернее, это она с кем-то там столкнулась, спеша протиснуться в дверь, а потом задела меня. А еще зацепилась хлястиком пальто за массивную дверную ручку, отчего и не могла продолжить движение.

– Разрешите помочь. – Я отцепила ее от ручки и придержала дверь. – Прошу вас, мадам!

– Как изысканно, – буркнула Машка, забыв поздороваться. – А этот протопал без извинений. Ж-животное...

– Какое? – зачем-то уточнила я.

Обычно обиженные женщины говорят, что мужики – козлы, но Машка не опустилась до банальности.

– На букву «М», – сказала она.

– Мангуст?

Мы обе остановились.

– Почему – мангуст? Мне бы и в голову не пришло... Животное на букву «М» – это медведь. И я как раз Медведева имею в виду, это он меня толкнул. – Серdito сопя, подруга огляделась, но своего обидчика не увидела.

Наш коллега судья Медведев успел пройти к себе – у него кабинет на втором этаже. Рядом с Машкиным, к слову говоря.

Я подумала, что подруга как-нибудь обязательно отомстит грубияну-соседу. Не преминет, так сказать. Соблаговолит, нет сомнений.

Машка, видно, подумала о том же и заспешила к лестнице. Я пошла к себе, на ходу выбрасывая из головы избыточно изящные для повседневного применения речевые обороты.

Благородная старушка Ада Егоровна, как модно сейчас говорить, сделала мое утро. Однако выдержать в том же стиле целый рабочий день не представлялось возможным: увы, судейский язык шершав и скучен, как шинельное сукно.

– Доброе утро, Елена Владимировна!

Мой помощник Дима уже был на месте. Как всегда, хорош, пригож, свеж и вежлив.

При моем появлении он поднялся и вышел из-за стола, чтобы взять у меня пальто.

– Доброе, Дима. Или не очень? – Я энергично вытряхнулась из верхней одежды и вопро- сительно поглядела на стопку папок на столе.

– Только что звонили от Анатолия Эммануиловича, вам нужно срочно к нему зайти. – Помощник выдал информацию, предоставив мне самой ее оценивать.

– Ой-ой, – оробела я.

Срочный вызов на ковер к начальству – не лучшее начало дня.

Вообще-то наш председатель суда Анатолий Эммануилович Плевакин – хороший мужик, но руководитель он строгий и подчиненных своих не балует. Маловероятно, что шеф позвал меня, чтобы угостить конфетками к утреннему кофе.

Хотя конфетку мне предложила Галочка, новая секретарша Плевакина.

– Доброе утро, Елена Владимировна. Чай, кофе, конфетку, печенье?

– А натошак я новые ЦУ не проглочу? – Я покосилась на приоткрытую дверь в логово шефа.

Галочка неопределенно повела точеными плечами.

– Еленочка Владимировна, зайди! – позвал меня Плевакин из своей берлоги. – А? Гляди! Нравится?

Шеф еще не устроился в своем массивном кресле, а стоял у длинного, как подиум, стола для совещаний, разглядывая картину в раме.

Картина была абстрактная: в центре большое ярко-желтое пятно, вокруг него много разных цветных клякс, точек, черточек и кривуллек. Явно чей-то подарок – сам Анатолий Эммануилович такое не выбрал бы, у него вкус классический, даже консервативный. Он бы мишек в сосновом лесу повесил или Айвазовского.

– Весьма экспрессивно, – осторожно похвалила я.

– Понять бы еще, что это. – Плевакин повернул картину, которую держал горизонтально, на девяносто градусов, опять посмотрел, положил голову на одно плечо и перекинул ее на другое. – Как думаешь?

– Постапокалиптический натюрморт? – предположила я. – «Генетически модифицированный одуванчик-мутант на фоне ядерного взрыва»?

Анатолий Эммануилович хмыкнул и сунул картину мне в руки:

– На, у себя повесишь.

– Дома? – испугалась я.

Постоянное созерцание термоядерного одуванчика могло разрушить и более крепкую нервную систему, чем моя.

– Еще чего – дома, в кабинете у себя повесишь, это выносить нельзя, тут уже инвентарный номер имеется!

Избавившись от пугающей картины, шеф прошел за стол, устроился на своем троне и погрозил мне пальцем:

– А ну-ка, сделай лицо повеселее. Я знаю, о чем ты думаешь: боишься, что сейчас тебе прилетит какое-нибудь заковыристое дело.

– А оно не прилетит? – Я чуточку обнадежилась.

– Прилетит, – не стал запираяться шеф. – Но тебе понравится. Ты же у нас главный специалист по красоте...

– Что, опять?! – Я взвыла, как волк из мультфильма.

– А ты как думала? Красота – это вечная тема. – Плевакин был традиционно чужд сочувствия и жалости. – Тут, впрочем, речь о начинающих красавицах, так что большого размаха не жди, резонансным это дельце вряд ли станет, хотя потенциал у него есть, есть... И персоны интересные завязаны...

– Давайте уже сюда вашу папку, что вы перебрасываете ее из одной руки в другую, будто ждете, что я стану подпрыгивать и отнимать у вас это самое дельце, – невежливо потребовала я, понимая, что отбиться от сюрприза не получится.

– Вот! Молодец! Хватай быка за рога, а кота за хвост! – Шеф щедро одарил меня скудной похвалой, сомнительной мудростью и подозрительным дельцем в картонной папочке с завязками.

С папкой в одной руке, картиной в другой и тенью тревоги на лице я вернулась в свой кабинет.

– Что это? – спросил Дима.

– Очередная проблема. – Я шлепнула на стол папку.

– И некоторая компенсация за нее? – Помощник кивнул на картину.

– Что, это? Нет, не компенсация, а вторая проблема. – Я развернула к нему полотно. – Нам велено повесить у себя. Придумай, где именно. Сразу предупреждаю: я не хочу это видеть!

– Тогда над кофемашиной, – решил Дима и тут же пошел прикладывать раму к стене. – Будет отбивать нам избыточный аппетит...

– Хорошая мысль, – ущипнув себя за бочок, согласилась я и отправилась за свой стол, не забыв прихватить сюрпризное дельце в папке.

Через несколько минут я сидела и нервно хихикала.

– Елена Владимировна? – позвал из своего предбанника помощник, обеспокоенный моим странным поведением. – Все в порядке? Вы там смеетесь или плачете?

– Когда это у нас все было в порядке? Смеюсь я, смеюсь. Наш Анатолий Эммануилович – неиссякаемый источник радости, веселья и дурацкой работы. Возьми, посмотри, какую ерунду нам подкинул.

– А что там? – Дима встал из-за стола и заглянул ко мне.

– А вот что: некая Вероника Павловна Кобылкина желает оспорить решение жюри конкурса Экомисс Москва, в котором участвовали девочки шести-девяти лет, включая дочь Кобылкиной – первоклассницу Изабель. Специально для участия в конкурсе девочке соорудили сложный наряд из кленовых листьев, однако победила почему-то другая экомодель – восьмилетняя Карина.

– А какой костюм был у нее?

– Тоже высокохудожественный и экологически чистый – из виноградных листьев. Гражданка Кобылкина-старшая считает, что виноградная Карина обошла кленовую Изабель в результате подкупа жюри и неправильного судейства, а потому обжалует решение конкурсной комиссии.

– В суде?

– Причем в нашем! – Я вздохнула. – Право слово, делать людям нечего...

– Но ведь условия конкурсов не защищаются Гражданским кодексом. – Дима подошел поближе, заглянул в папку, посмотрел на фото девочек – кленовой и виноградной. – Те, кто участвует в объявленном конкурсе, соглашаются на их условия и правила, и оспаривать их надо особым порядком... О, у Карины еще и виноградные кисти на ушах? Сорт «Дамский пальчик», если я не ошибаюсь?

– Ну! Кто-то лапшу на уши вешает, а кто-то виноград! – Я все не могла побороть приступ нездорового веселья.

– Но в принципе никто не запрещает пойти и оспорить результаты конкурса в суде, – рассудил невозмутимый Дима. – Вопрос лишь в том, что очень сложно принимать решение о действительности или недействительности решения жюри, потому что комиссия ничем не связана. Доказать взятку сложно, предвзятость – тоже, это субъективное мнение, несколько человек выносят коллегиальное решение. Если большинство согласно – так и есть. А уж заранее члены жюри договорились или нет – поди пойми.

– Будем разбираться, куда деваться. – Я еще раз посмотрела на фото. – А «Дамский пальчик» разве не синий? Тут же белый виноград...

– «Дамский пальчик» именно белый, в России этот сорт еще называют «Бокальный», в Дагестане – «Шах-изюм», а в Армении – «Ицаптук».

– О? Да ты спец по винограду?

– Не я, а моя девушка. – Дима смутился. Он не любит говорить о своей личной жизни. – Она веган, на рынке из овощных и фруктовых рядов не вылезает.

Тут удивительно кстати мне позвонил Говоров и строго в тему спросил:

– Дорогая, надеюсь, ты не на диете? Я скоро буду в вашем районе, и мы сможем вместе пообедать в нашем любимом ресторанчике. Что тебе заказать?

– Вообще-то я хочу «Шах-изюм», он же «Ицаптук», он же «Бокальный», – сглотнув слюнки, честно ответила я.

– Это какой-то рецидивист? – не понял Никита.

– Это виноград! Но я согласна и на кусок мяса, потому что ни разу не веган. А что у тебя за дела в нашем районе?

Мой любимый Никита Говоров – прокурор. Порой мы с ним встречаемся не в ресторанчике, а в зале суда.

– Да это не по работе, просто нужно пообщаться кое с кем, – легко ответил Говоров и тут же напрягся: – С мужчиной, не с женщиной! Не подумай чего-нибудь!

– Не буду думать, – пообещала я не вполне искренне.

Не зря говорят, что пуганая ворона куста боится.

Хотя в моем случае испуг был беспричинным – я совершенно по-идиотски приревновала Никиту к женщине, оказавшейся его родственницей, – кусты вороне мерещиться не перестали².

Даже наоборот: я стала еще менее смелой в личных отношениях, и мы с Говоровым откатились далеко назад: со стадии «тили-тили-тесто, жених и невеста» на стартовую конфетно-букетную позицию. Теперь Никита снова приглашает меня пообедать, но пока не рискует звать на ужин, плавно переходящий в завтрак.

За обедом я зевала, и Говоров, конечно, ревниво поинтересовался, по какой такой причине я не выпалась. Пришлось рассказать про утреннюю эпопею с соседской старушкой, которую я для себя уже окрестила Гранмадам.

– Она очень древняя – примерно эпохи царизма, – объяснила я Никите.

– Лена, у тебя плохо с арифметикой, – посмеялся он. – Твоя старушка никак не может быть дореволюционного происхождения. Если ей восемьдесят два, значит, она родилась уже при советской власти, приблизительно в сороковом году.

– И правда! – Я удивилась, потому что сама подсчитать не удосужилась. – А я-то подумала, что ее великосветские манеры – наследие былых времен.

– Может, бабушка просто не московская, а из Северной столицы, – предположил Говоров. – Я как-то видел такую гранмадам в обычном питерском троллейбусе. Представь: лет сто, сухая, как швабра – но швабра красного дерева. Спина прямая, плечи развернуты, длинное платье с кружевным воротником, крупные серьги и голос звучный, как у Левитана, только с хрипотцой. На весь троллейбус сказала чернокожему афропетербуржцу: «Уважаемый эфиоп, вы выходите?»

Я похихикала, сочтя этот рассказ-зарисовку анекдотом, а Говоров будто в воду глядел!

Ада Егоровна оказалась в точности такой, как та питерская гранмадам: высокая, худая, с прямой спиной и резкими чертами лица. И даже кружевной воротничок у нее был!

Кружевами, причем не дешевыми фабричными, был также отделан подол ее длинного шелкового платья. Наверное, на ком-то другом это смотрелось бы смешно, но Ада Егоровна в своем наряде была органична.

На ее левой ноге белел толстый гипсовый валенок, контраст со здоровой правой пытался сгладить белый чулочек-гольфик. Длинные серебряные волосы соседка забрала в высокую прическу, украшенную резной костяной заколкой, под воротничок приколола желтоватую камею. Передвигаться без опоры она не могла, но воспользовалась не ходунками или костылями, а двумя толстыми тростями очень солидного вида.

При виде эдакого благородного изыщества я почувствовала себя толстой и неуклюжей простушкой. Какой-то снежной бабой с носом-морковкой! Замурзанной кухаркой при благородной даме!

– Прошу вас, не стесняйтесь, проходите. – Хозяйка явно заметила мое смущение. – Стол накрыт в гостиной, я только попрошу вас перенести туда поднос с чаем, поскольку мне, как вы видите, крайне несподручно... Нога, боже мой... Какая ирония: всю жизнь я в любой ситуации берегла свои ноги, чтобы на старости лет получить перелом, всего лишь неловко встав среди ночи в уборную, уж простите за интимную подробность.

---

² Подробнее читайте об этом в романе Т. Устиновой и П. Астахова «По ЗОЖу сердца».

– Случается. – Приободрившись, я выпуталась из пальто и пристроила его на вешалку. – Мой юный племянник сломал ногу, тайком забравшись в темную кладовую, чтобы полакомиться тортом. И не на старости лет, прошу заметить, хотя тоже ночью...

– Старый, что малый! – засмеялась Ада Егоровна.

Смех у нее был изумительный – как колокольчик, только надтреснутый.

Следуя указаниям хозяйки, я принесла с кухни поднос с чаем, и мы устроились в гостиной – большой квадратной комнате с массивной темной мебелью и стенами в бесчисленных фотографиях.

На видном месте красовались два женских портрета. На одном была запечатлена красавица-блондинка, на другом – прекрасная брюнетка. Портреты воспринимались как диптих, потому что их объединяла одна общая деталь: шикарное платье, красное, с золотыми блестками. Блондинка и брюнетка были одеты одинаково.

– Это вы? – в черноволосой красавице я угадала Аду Егоровну.

– Еще узнаваема? Это безмерно приятно, – улыбнулась она.

– А кто вторая девушка? И почему на вас одинаковые наряды?

– О! Это долгая история. Хотите послушать?

Я кивнула.

– Тогда с удовольствием расскажу. – Старушка положила на блюдечко чайную ложку и сложила руки на коленях, как гимнастка.

– Вообще-то я мечтала стать балериной...

Она мечтала стать балериной и с детских лет занималась у станка.

Увы, с танцами пришлось расстаться из-за стрессового перелома – его еще называют усталостным. Ада перестаралась, и в результате накопившихся в кости микротравм и слишком большой нагрузки случился этот самый усталостный перелом. Неудивительно, это распространенная травма у танцоров.

Три месяца она прожила без балета, а когда снова вошла в класс, вдруг поняла, что боится «поломаться» снова. Это был удар ниже пояса: утратив цель, к которой она упорно шла годами, Ада совершенно потерялась. Хорошо, что рядом была Лада, Ладушка, Ладыня, Лада-Ландыш – лучшая подруга.

С виду нежный белый цветочек, красавица-блондинка Лада Петровская была как стальная шпага – тонкая, звонкая, гибкая и победоносная.

Лада всегда точно знала, что ей нужно, и не стеснялась этого добиваться. Когда Ада, лишившись балета, поникла и раскисла, Лада ее встряхнула, подхватила и потащила за собой.

Сопротивляться целеустремленной Ладе было решительно невозможно.

Так Ада Воронова оказалась в столичном Доме моделей. Подчиняясь Ладушке – самой-то ей было все равно, куда идти и что делать, – Ада пришла туда, чтобы поддержать подругу.

Лада хотела стать моделью – и стала.

Ада в модели не собиралась, но Лада и судьба ее не спрашивали: притащили на Кузнецкий Мост и лоб в лоб столкнули с амбициозным начинающим модельером.

Модельера звали Станислав Волков. Имя его в то время Аде ничего не говорило, и все же девушка согласилась попробовать себя в качестве манекенщицы. А почему нет? Ноги, которые оказались недостаточно крепки для балета, для прогулок по подиуму подошли превосходно.

Они помогали друг другу, Ада и Лада. Вместе бегали по утрам, вместе отчаянно боролись с желанием съесть что-то вкусненькое – набирать вес было нельзя. Дразнили друг друга, чтобы застрашать и отбить аппетит: Лада называла подругу Аделькой-сарделькой, а та ее Ладыней-дыней. Это было необходимо, просто смешно – у обеих не имелось ни единой лишней жиринки.

Со временем Ада стала настоящей музой знаменитого советского кутюрье, одной из его любимых моделей. Ее узнали и в стране, и за границей, где стали называть «Русской Кармен» за яркую «испанскую» внешность.

А Ладе Петровской на Западе дали прозвища Снегурочка и Русская березка. Как и Ада, Лада блистала на подиуме, будучи антиподом подруги. Лада – Ада, блондинка – брюнетка, Снегурочка и Кармен, лед и пламя... Хотя – нет, как раз Снегурочка была открытой, общительной и доброжелательной, это зажатая и стеснительная Кармен производила впечатление высокомерной и неприступной.

Такие непохожие, Лада и Ада отчаянно конкурировали и, несмотря ни на что, дружили еще целых десять лет.

Поссорило их платье.

Ярко-красное вечернее платье из шерстяного букле, щедро расшитое по вороту и груди золотыми блестками, похожими на звенья кольчуги, напоминало о древнерусской обрядовой одежде, храмовых фресках, иконах в богатых окладах и называлось «Россия». Наряд был создан для международного фестиваля моды, куда должна была ехать Ада. Платье шилось специально для нее, красавицы-брюнетки: красное и черное – классическое сочетание.

Платье шилось для Ады, но досталось Ладе, которая пожелала его примерить – и надела, даже не спросив разрешения. И тут же попала на глаза главному художнику Дома моделей, который сразу решил, что блондинка в красном более точно попадает в образ.

В платье «Россия», на несколько лет ставшем символом Советского Союза, Лада Петровская дефилировала на Первом международном московском фестивале моды в «Лужниках» и открывала показ на выставке легкой промышленности в Монреале. В Канаде Снегурочка в красном с золотом произвела фурор: присутствовавшие в зале русские эмигранты плакали. Газеты расхваливали органичный образ Петровской и называли ее лучшей моделью на этом показе.

Ада Воронова, тоже поехавшая в Монреаль, персональных похвал не удостоилась.

По возвращении в Москву для Петровской в прославленном платье «Россия» устроили фотосессию в Успенском соборе Кремля. Снимки, сделанные известным американским фотографом, появились в журнале Look.

Ада перестала разговаривать с Ладой.

Лучшие подруги стали заклятыми врагами.

Теперь они конкурировали не только на подиуме, но и в личной жизни.

В отместку за украденное платье Ада увела у Лады мужа-художника. Вообще-то тот был ей не нужен, они расстались сразу после рождения дочери, но почти полтора года Воронова наслаждалась триумфом: у Петровской, когда она видела вечную соперницу со своим бывшим, каменело лицо.

Переходящий приз, муж-художник, сбежал от них обеих, эмигрировав из Союза сначала в Израиль, а затем в Лондон – это произошло в начале семидесятых. Через пару лет за ним последовала Лада. В Англии она пыталась продолжить карьеру модели, но не преуспела – типаж был не тот, да и возраст давал о себе знать: Ладе было уже за тридцать.

Ада слышала, что ее бывшую подругу вызывали на Лубянку и там поставили условием выезда обещание не устраивать на Западе никаких антисоветских кампаний.

Лада пообещала быть тише воды, ниже травы и не обманула: уехала и пропала.

Кто-то рассказывал, что со своим художником она так и не воссоединилась, зато вышла замуж за бизнесмена и стала управлять сетью собственных магазинов.

Ада продолжала работать в Доме моделей и стала одной из самых известных манекенщиц Советского Союза. Это не принесло ей ни денег, ни счастья в личной жизни: в СССР демонстраторам одежды платили как рабочим низшего разряда, и к числу уважаемых эта профессия не относилась.

Через пару лет после ухода со сцены Петровской Вороновой, как она думала, все-таки удалось взять реванш: фотосессию с ней провел журнал Vogue.

Беспрецедентные по уровню организации съемки прошли не где-нибудь, а на Красной площади и в Оружейной палате Кремля. В сокровищнице Ада позировала иностранным фотографам со скипетром императрицы Екатерины Второй и знаменитым алмазом «Шах».

Увы, одна из фотографий в иностранном журнале стала причиной скандала: в позе Ады, которая стояла спиной к Мавзолею, в СССР усмотрели неуважение к Владимиру Ильичу Ленину и другим советским вождям.

После этого Вороновой запретили выезжать за границу.

Окончательно сломал карьеру Ады большой партийный начальник, ухаживания которого она не приняла. В жены он красотку-манекенщицу не звал, а становиться его любовницей она не захотела, и перед Русской Кармен в один момент закрылись все двери в профессию.

Пару лет она сидела без работы и жила почти впроголодь, продолжая сопротивляться домогательствам отвергнутого поклонника. Потом едва не загремела за тунеядство и окончательно поняла, что былая жизнь не вернется.

Ада пошла работать. Образования у нее не было, так что трудиться пришлось уборщицей, дворником, санитаркой в больнице. Непрестижность профессий экс-модель не тяготила – работа манекенщицы тоже считалась сомнительной и даже неприличной. Но постоянное безденежье угнетало, и Ада по знакомству устроилась секретаршей к известному бизнесмену. Через пять лет его убили, но к этому моменту она успела получить образование заочно и накопить немного денег. Вышло очень кстати: как раз слегла мама. Аде пришлось ухаживать за ней и самой, без ее помощи, растить дочь.

Похоронив маму, она устроилась в библиотеку и там работала, пока не вышла на пенсию.

Качественные фотографии – свои и Лады – в знаменитом красном платье Ада нашла, когда оцифровывали библиотечный архив. В фотостудии она напечатала два портрета,插вила их в рамки и повесила на стене рядом.

Лада и Ада, Снегурочка и Кармен, лед и пламень снова встретились.

– Ты представляешь, оказывается, наша соседка – старушка из второго подъезда, – бывшая знаменитость. Одна из легендарных советских манекенщиц! – оживленно сообщила я Сашке за завтраком.

Поделиться с ней этой новостью накануне вечером не получилось. Когда я вернулась после похода в гости к Аде Егоровне, Сашки не было дома – она умелась в кино с Фомой. Вернулась дочка поздно, и моих сил хватило только на то, чтобы отчитать ее за возмутительное пренебрежение заботой о моем душевном спокойствии и своими собственными домашними обязанностями. Она ведь даже посуду после ужина за собой не помыла!

– Ты опять ворчишь, моя старушка? Не ворчи, привет тебе, привет! – безбожно перебрал Есенина, отмахнулась от меня непочтительная дочь и ушла к себе, вывесив на ручку двери самодельную табличку «Не входить, идет стрим!».

Очень трудно быть матерью набирающего популярность блогера, скажу я вам.

Врываться и мешать юной блогерше стримить я, конечно, не стала, но под дверью недовольно пофыркала. Видите ли, стрим ей важнее разговора с родной матерью!

Мне хотелось поделиться впечатлениями от знакомства с Адой Егоровной, но пришлось подождать с этим до утра.

– Правда? А как ее зовут? – Сашку новость заинтересовала, она даже перестала хрустеть своим завтраком (натуральная гранола из экологически чистых злаков, орехов и фруктов без сахара и ГМО).

– Ада Егоровна. В мире моды она была известна как Ада Воронова.

– Воронова, Воронова, – забормотала дочка и тут же полезла гуглить смутно знакомое имя.

Я только головой покачала: по-моему, Сашка неправильно использует кармашки пижамы. Я еще понимаю – спрятать туда конфетку для ночного перекуса или носовой платочек, чтобы вытирать слезы во время просмотра сериала, но смартфон?! Зачем всегда и всюду таскать с собой гаджет?

– А и правда, была в СССР такая супермодель – Ада Воронова! – Сашка без труда нашла в сети нужную информацию и обрадовалась пуще прежнего. – И что, она еще не в маразме? Ей же, наверное, сто лет?

– Всего восемьдесят два, она в здравом уме и твердой памяти. И еще в гипсе, поскольку ногу сломала и теперь безвылазно сидит в своей квартире.

– А это хорошо, она ведь будет рада гостям?

– Мне была рада. Напоила чаем, рассказала много интересного и пригласила заходить еще...

– Супер! – Сашка подскочила, уже стоя выпила свой смузи (капуста, сельдерей и огурец без пестицидов, гербицидов, ядохимикатов и нитратов). – Расскажешь мне об этом вечером, я сегодня буду пораньше. И вообще – познакомишь меня с этой бабкой, я сделаю с ней интервью, будет круто!

Она унеслась к себе в комнату, через минуту вылетела оттуда, в прихожей мгновенно обулась-оделась, схватила школьную сумку и умчалась прочь. Расхристанная и без теплой шапки, конечно же...

– И расскажу, и познакомлю, – пообещала я уже закрывшейся двери и со вздохом придвинула к себе недоеденную торопыгой Сашкой гранолу.

Не пропадать же добру, эта модная зожная еда совсем не дешевая.

А ничего так, съедобно...

В общем, утро у меня началось неплохо, а вот продолжилось так себе: мне не удалось припарковаться поближе к работе. Последнее свободное местечко недалеко от здания суда на моих глазах занял незнакомый серебристый «крузак».

– Вот зар-раза, – выдохнула я, проводив сердитым взглядом заруливающее на вожделенный пятачок чужое авто, и – куда деваться! – поехала к торговому центру, чтобы приткнуться там в подземном гараже.

– О, и ты тут! – обрадовалась мне Машка.

Я узнала ее по белой «Тойоте» и красному сапогу.

Прошлой осенью моя лучшая подруга вычитала в интернете, что в новом сезоне в моде будет экстравагантная обувь из велюра ярких цветов, и в приступе умопомрачения купила себе ботфорты, которые выглядели просто сказочно. Так, словно их сшили из остатков головного убора Красной Шапочки для Кота в сапогах, у которого потом отняли, чтобы отдать нашей Маше.

Дивные сапоги легко промокали, быстро и основательно пачкались и требовали такого заботливого ухода, какого удостоивается не каждый младенец.

Зато странным образом к этой обуви подходило абсолютно все. Вернее, было совершенно неважно, что надето на Машеньке в сапогах: запоминались все равно только они.

– Привет, ты тоже не нашла, где припарковаться? – Я остановилась у открытой водительской двери, из которой как раз торчала нога в сказочном сапоге.

Все остальное еще не вылезло из машины. Машка пребывала там в сложной йоговской позе, перегнувшись через переднее сиденье и копошась на заднем.

– Угу. Возьми-ка это. – Подруга, не выныривая из «Тойоты», передала мне большой цветной пакет, в котором что-то пластмассово погромыхивало. – И это, – второй пакет был тихим, бугристым и мягким. – Вроде все собрала.

Машка вылезла, поправила сумку на плече и шапку на голове, забрала у меня один пакет.

– Как удачно мы встретились, поможешь мне все донести, – и зашагала к выходу из гаража.

– А что это? – На ходу я пытливо встряхнула гремучий пакет.

Звук был такой, словно в нем стукались друг о друга замороженные пельмени.

– Игрушки, – объяснила Машка. – Мои охламоны провели ревизию в детской и наконец-то согласились расстаться с мелким плюшевым зверьем и конструкторами. Я спросила Зою Михалну, и она сказала, что с удовольствием заберет все для своих внучат, они у нее еще мелкие, им это будет в самый раз. Детали конструктора я прополоскала в тазике с мылом, звёрюшек постирала в машинке – как новенькие стали!

– А у нее мальчики или девочки? – заинтересовалась я, вспомнив, что хотела пристроить в хорошие руки Сашкину коллекцию пупсов и куколок.

Все равно она давно уже с ними не играет, ей теперь только гаджеты подавай. А куколки-то недешевые, Зоя Михална на свою зарплату уборщицы таких не купит...

– У Зои Михалны? Пацан и две девочки, – ответила Машка и мечтательно вздохнула. – Ой, как же хорошо, когда девочки! Платица, бантики, туфельки, чаепития с куколками, никто не съезжает на попе в грязный котлован, не бьется на палках с ржавыми гвоздями и не прячет под кроватью коробку с дождевыми червяками...

– Не говори того, о чем не знаешь, – пробормотала я. – Не идеализируй современных девочек, от образа прекрасной сказочной принцессы они страшно далеки.

– Да ладно? – Машка остановилась и повела рукой, как в танце. – По-твоему, это галлюцинация?

Я посмотрела в указанном направлении и тоже остановилась, увидев дивное видение.

Самую настоящую прекрасную сказочную принцессу!

Девочка лет семи-восьми – хорошенькая, как куколка, синеглазая, белокурая, с розовыми щечками и алыми губками – стояла под козырьком остановки общественного транспорта, привалившись к рекламному щиту, с таким видом, словно бесконечно устала дожидаться своего принца на белом коне – или фею в карете из тыквы, или ездового единорога. Кого там ожидают сказочные принцессы? Точно не троллейбус.

На девочке была надета пышная юбка из розового тюля и короткая белая шубка, на голове – красный шерстяной капор, приспущенный так, чтобы выпустить на плечи аккуратнейшие спирали блестящих золотых локонов.

– Смотри, самая настоящая Красная Шапочка! – обрадовалась Машенька в сапогах. – Девочка, а девочка, ты чья? Не заблудилась? С кем ты?

– Пф-ф-ф! – Красная Шапочка закатила глаза и отвернулась, явно не желая не только вступать в разговор, но и видеть нас.

– Наверное, надо вызвать полицию! – громко заявила Машка, которая прекрасно может приструнить обнаглевшее дитя – у нее по этой части весьма обширная практика. – Кажется, девочка немая, а может, и психически нездоровая. Нормальные девочки не гуляют без присмотра и не грубят взрослым людям.

– Я с мамой! – зыркнув на Машку, сказала отнюдь не немая девочка и мотнула головой: – Она там!

– В суде? – удивилась Машка, проследив направление.

Мы с ней почти дошли до нашей работы.

– Рядом, – буркнула девочка и снова отвернулась.

– Идем. – Я потянула подругу за руку. – Вон под стеной какая-то тетка бродит, может, это и есть принцессина мама.

– Не похожа она на королеву. – Машка прищурилась. – А вот на психическую – очень даже... Что это она делает, не пойму?

Сбоку от здания Таганского райсуда расхаживала, то наклоняясь, то приседая, крупная женщина в трикотажном брючном костюме.

– Согревается физкультурными упражнениями? – предположила я, потому что она была одета явно не по погоде.

С утра подмораживало, как же без верхней одежды?

Впрочем, я тут же увидела пуховик, небрежно брошенный на водительское сиденье того самого серебристого автомобиля, который занял последнее парковочное место, оставив меня с носом. Дверь машины со стороны водителя была распахнута, и серый рукав пуховика свисал до земли, как слоновий хобот.

– А что это вы тут делаете? – крикнула странной женщине Машка, пока я, покачав головой, направилась к дверям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.